

В. Н. Авдеев, Л. А. Александрова, И. Ю. Панькина

АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ

Рассмотрен вопрос о необходимости введения медиации как альтернативы уголовному преследованию. Авторы ставят цель доказать своевременность применения медиации в уголовном процессе, изменения концепции уголовного преследования в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: логический и системный методы, анализ и сравнение. Авторы утверждают, что медиация возможна только в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет. Анализируется система критериев медиации. Представлены результаты ее анализа, основанные как на теоретических постулатах уголовного процесса, так и на эмпирической основе (опрос и анкетирование субъектов правоохранительных органов Калининградской области).

The article questions the need to introduce mediation as an alternative for criminal prosecution. The author of the article aims to prove the urgency of mediation for the criminal process, changing the concept of criminal prosecution in relation to accused juveniles. Methodologically, the article relies on general scientific methods: logical and systemic ones, the method of analysis and comparison. The author argues that mediation is possible only in relation to minors aged 14 to 16 years. The mediation criteria system is analyzed and the obtained results are based both on the theoretical postulates of the criminal process and on an empirical basis (a survey was conducted among the subjects of law enforcement agencies of the Kaliningrad region).

Ключевые слова: уголовное преследование, несовершеннолетние лица, альтернативы преследованию, медиация, критерии медиации

Keywords: criminal prosecution, minors, alternatives to prosecution, mediation, criteria for mediation

Традиционный уголовный процесс не может обеспечить полного разрешения уголовно-правового конфликта, когда сталкиваются совершенно противоположные интересы. Привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания не всегда эффективно разрешают уголовно-правовой конфликт, а в совокупности с текущим состоянием пенитенциарной системы не помогают достичь цели превенции, не говоря об интересах потерпевшего. Надо отметить, что вопросы уголовного преследования и в настоящее время исследуются учеными с точки зрения, например, ее понятия и структуры [11], начала возникновения уголовного преследования [10], функции субъектов стороны обвинения [13], критериев разделения ее на виды и формы [1].

Поиск альтернатив уголовному преследованию также обусловлен большой долей преступлений небольшой и средней тяжести, по кото-

рым часто используются альтернативные формы разрешения уголовного дела. Так, в целом по России указанные категории преступлений, несмотря на снижение их числа в 2020 г. до 1,5 млн (-3,2%), имеют в массиве преступности долю более 72% [17]. Что касается Калининградской области, то в структуре зарегистрированных преступлений их доля составляет ровно 72%.

Совокупный массив преступлений несовершеннолетних в 2020 г. составил 37771 (-9,1%). При этом доля преступлений небольшой и средней тяжести – 74% (27974) [17]. На территории Калининградской области соответствующие преступления, совершенные несовершеннолетними, составили непосредственно 77%.

24

Известно, что места лишения свободы не способствуют исправлению осужденных несовершеннолетних лиц, а в большинстве случаев наоборот – порождают рецидивы. Сейчас уголовное судопроизводство ведет поиск альтернатив уголовному преследованию и оптимального соотношения с традиционными институтами для полного восстановления прав потерпевшего и реабилитации преступника.

Современному уголовному процессу известны два типа уголовного преследования. Первый – *традиционный*, в основе которого лежат принципы законности и публичности. Именно они диктуют прямую линию уголовного преследования – от возбуждения уголовного дела через привлечение лица в качестве обвиняемого до вынесения итогового обвинительного документа субъектом предварительного расследования.

Таким образом, в настоящее время в основу уголовного процесса в России положены публичные начала, содержащие в себе публичный интерес и порядок его реализации. При этом сущность публичности состоит в *обязанности стороны обвинения* осуществлять уголовное преследование при обнаружении признаков преступления независимо от волеизъявления других участников уголовного процесса.

В результате в уголовном процессе выделяется три вида уголовного преследования: *частное, частно-публичное и публичное* (ч. 1 ст. 20 УПК РФ). При этом, как отмечается в п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. №7-П [12], введение дифференциации уголовного преследования, учитывая характер преступления, его общественную опасность, сочетание затрагиваемых деяниями общественных и индивидуальных интересов, направлено на то, чтобы более полно обеспечить права и свободы человека и гражданина, а также предотвратить нежелательные для пострадавшего последствия его участия в уголовном процессе.

Но существует и *второй тип* уголовного преследования. В его основе лежит принцип целесообразности. Исследование сущности и содержания соответствующего принципа было представлено еще в 2002 г. профессором Л. В. Головки [6]. Мы присоединяемся к его мнению о том, что именно принцип целесообразности дает возможности реализации медиации как альтернативы уголовному преследованию в российском уголовном процессе.

Опрос сотрудников прокуратур Калининградской области, проведенный нами, показал, что почти 61 % респондентов считают медиацию дублированием института примирения сторон (ст. 25 УПК РФ). Но результаты анкетирования этой же аудитории показали, что респонденты не в полной мере понимают механизм применения медиации. И, как следствие, не могут отличить элементы института примирения от института медиации. Конечно, мы также понимаем, что на данный момент социум пока не готов к введению такого института. Но «лоскутная» концепция уголовного процесса в настоящее время заставляет искать пути реформирования как в целом, так и в части отдельных ее институтов для выполнения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

В данной статье мы представляем определенные элементы медиации как альтернативы уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних лиц. Так, для передачи дел медиатору необходимо соблюдение определенных групп критериев.

Первая группа критериев относится к субъекту применения медиации. Учитывая опыт зарубежных стран на этапе становления медиации, мы полагаем, что данная процедура возможна только в отношении несовершеннолетних лиц от 14 до 16 лет. Выбор данного круга лиц обусловлен подвижностью их эмоционального состояния, а также неокрепшим сознанием. Именно эти лица больше всего подвержены изменениям и готовы к реабилитации и ресоциализации. Такого же мнения придерживались 40 % из опрошенных нами сотрудников прокуратур Калининградской области.

Также медиация не может проводиться по делам, где отсутствует потерпевший как физическое лицо. Ведь для процедуры медиации требуется примирение сторон, где стороны должны проявить свое согласие в установленной законом форме.

Вторая группа критериев относится к совершенному преступлению: его тяжесть; наличие элемента публичности (публичный интерес); совершение преступления впервые.

Медиация распространяется на дела небольшой и средней тяжести. Исключение составляют тяжкие преступления имущественного характера. В основном тяжесть таких деяний заключается в значительном размере имущественного ущерба. В подобных преступлениях потерпевший, как правило, заинтересован не в наказании преступника, а в возмещении вреда от преступления [2]. Примером может быть ч. 3 ст. 158 УК РФ (см.: [3]). Тем не менее мы должны отметить, что, по данным опроса, 80 % респондентов-сотрудников прокуратур Калининградской области считают медиацию приемлемой по преступлениям небольшой тяжести и лишь 20 % — по делам средней тяжести.

Кроме того, дела небольшой и средней тяжести обычно относятся к делам частного и частно-публичного характера. И в данном случае, чтобы не возникло проблемы с механизмом возбуждения и прекращения дел данной категории, нам представляется необходимым исключить такую форму уголовного преследования, как частное преследование (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При посягательстве на общественные интере-

сы, когда потерпевшим может выступать юридическое лицо, дело относится к категории дел публичного обвинения. Если несовершеннолетнее лицо посягает на интересы частного (физического) лица, то дело относится к категории дел частно-публичного обвинения [9; 15].

Важным критерием для передачи дела является то, что несовершеннолетний должен был впервые совершить преступление. Этому же мнению придерживаются 100 % процентов опрошенных нами сотрудников прокуратур Калининградской области.

На наш взгляд, применение медиации необходимо после возбуждения уголовного дела. Решение о передаче дела в службу медиации принимается лицом, осуществляющим производство по делу. Если дело находится у следователя, то решение принимается с согласия руководителя следственного органа, если же дело находится в производстве у дознавателя, то — с согласия прокурора. Процедура должна инициироваться одной из сторон конфликта, но для начала медиации необходимо согласие второй стороны. В решении должны быть указаны фабула дела, основания для медиации, учреждение, которое проводит медиацию, и материалы, передаваемые на процедуру медиации, а также сроки проведения медиации.

Третья группа критериев относится к медиатору как специалисту уголовного процесса. Так, необходимо определить на законодательном уровне выбор организации, которая проводит примирение, и объем материалов, который передается на процедуру медиацию. В первую очередь медиатору должны быть представлены материалы, которые устанавливают событие преступления [14]. Это могут быть разные документы — от постановления о возбуждении уголовного дела до обвинительного акта в зависимости от стадии уголовного процесса, на котором инициируется медиация. Также медиатор по своему усмотрению может запрашивать документы, необходимые для разрешения уголовного дела и примирения сторон [15, с. 92].

Для медиации в уголовном процессе необходим профессиональный медиатор — представитель специализированной организации по примирению. Он должен обладать специальными навыками в области конфликтологии, психологии и юриспруденции. Такие знания и навыки медиатора позволят участникам конфликта разрешить конфликт не только в формальном плане, но и на уровне эмоций. Основная особенность деятельности данного специалиста состоит в том, что он не является лицом, принимающим процессуальные решения при проведении медиации. Главная задача медиатора в процессе примирения — привести стороны конфликта к взаимовыгодному решению. В своей деятельности медиатор должен руководствоваться принципами добросовестности и беспристрастия [4, с. 67].

По нашему мнению, медиатора необходимо наделить полномочиями специалиста уголовного процесса (ст. 58 УПК РФ). Медиатором должно быть физическое лицо, независимое и незаинтересованное в исходе дела, а также обладающее специальными знаниями и навыками по проведению процедуры медиации.

К медиатору следует предъявить ряд требований. Он должен иметь достаточное образование и жизненный опыт, чтобы провести процедуру медиации [3]. Требования определены в ст. 11 модельного закона субъекта РФ «О службе примирения»:

- умение устанавливать коммуникацию между сторонами в конфликтной ситуации, настраивать психологический контакт между сторонами медиации;
- умение анализировать информацию и выявлять из нее конструктивные идеи;
- умение управлять дискуссией, поддерживать ее и направлять к достижению соглашения;
- достаточный жизненный опыт, который позволяет анализировать чужие проблемы и понимать трудности других людей;
- знание основ правового регулирования, основ судопроизводства и судостройства [4].

При установлении прав и обязанностей медиатора необходимо обратить внимание на саму специфику медиации. Так, к правам медиатора необходимо отнести следующие:

- на получение полной информации о конфликте, который передан на медиацию;
- на доступ к материалам дела, переданного на медиацию;
- на проведение мероприятий по регулированию конфликта и разрешению уголовного дела.

К обязанностям необходимо отнести:

- соблюдать конфиденциальность информации, полученной в ходе проведения процедуры: медиатор не вправе разглашать сведения, ставшие известными в ходе проведения медиации. Данное положение относится как к третьим лицам, не участвующим в процедуре медиации, так и к правоохранительным органам и должностным лицам, ведущим производство по делу;
- разъяснить сторонам суть проведения процедуры;
- беспристрастно и одинаково относиться к обеим сторонам конфликта.

Также необходимо определить круг лиц, участвующих в медиации по уголовным делам. Основными лицами в медиации являются стороны (обвиняемый и потерпевший), а также сам медиатор. Участие сторон является обязательным. Кроме них в медиации могут участвовать защитники, адвокаты, представители, родственники и иные лица, которым сторона доверяет.

В настоящее время более чем в 52 субъектах Российской Федерации используются процедуры медиации для несовершеннолетних лиц [7]. Так, интересен опыт Ивановской области, где судья поручает специалисту из органов соцзащиты или специалисту из комиссии по делам несовершеннолетних составить характеристику обвиняемого и выступить посредником в процедуре примирения. Комиссия по делам несовершеннолетних проводит медиацию, результатом которой является соглашение. Данные документы направляются в суд для приобщения к материалам дела. Положительный результат такой процедуры может

быть учтен судом для принятия решения о прекращении уголовного дела или как смягчающее обстоятельство. На основании данного соглашения подготавливается индивидуальный план реабилитации несовершеннолетнего, который оформляется в виде частного определения [8].

Вместе с тем возникает вопрос о контроле над деятельностью медиаторов в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов. Учитывая специфику уголовного судопроизводства, мы считаем необходимым установление контроля над сферой медиации в уголовном процессе. В связи с этим нужно создать специализированный орган (органы), объединяющий лиц, осуществляющих медиацию. Предполагается, что такая организация должна иметь государственную основу, то есть относиться к органам исполнительной власти. С этим мнением согласились 70 % сотрудников прокуратур. Также внимания заслуживает то, что 33,3 % опрошенных выбрали вариант, где роль медиации отведена прокурору. Надо отметить, что многие авторы [5; 7; 16] придерживаются именно такого варианта, где прокуратура в лице соответствующего прокурора будет иметь полномочия по вынесению итогового решения при процедуре медиации в случае, если уголовное дело не было передано в суд. В связи с этим мы выделяем два начала медиации — на стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства.

В завершение хотелось бы сказать, что на данный момент можно говорить о назревшей необходимости во внедрении экспериментальной модели медиации как альтернативы уголовному преследованию для несовершеннолетних лиц, которая производится по впервые совершенным делам частно-публичного или публичного обвинения.

Таким образом, на данный момент можно говорить о созревшей необходимости во внедрении экспериментальной модели медиации как альтернативы уголовному преследованию для несовершеннолетних лиц, которая производится по впервые совершенным делам частно-публичного или публичного обвинения.

Список литературы

1. Агабеков К. С. Критерии разделения уголовного преследования на виды и формы // Публичное и частное право. 2018. №3. С. 93–100.
2. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vosstanovitelnoy-yustitsii-i-mediatsiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 22.06.2021).
3. Волосова Н. Ю., Барабанова Т. С. Вопросы использования процедуры медиации в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2013. №3 (152). С. 43–47.
4. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. 2006. Вып. 6. С. 65–73.
5. Гатауллин З. Ш. Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Вестник КРУ МВД России. 2017. №4 (38). С. 51–55.
6. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. М., 2002.

7. Деришев Ю.В., Забуга Е.Е. Потенциал прокуратуры России в сфере уголовной юстиции (на примере медиационной практики зарубежных стран) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №1 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-prokuratury-rossii-v-sfere-ugolovnoy-yustitsii-na-primere-mediatsionnoy-praktiki-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 21.06.2021).

8. Доктринальный проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения». URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/15100-doktrinalnyj-proekt-modelnogo-zakona-subekta-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 21.06.2021).

9. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-vidy-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 21.06.2021).

10. Картохина О.А. Содержание и начальный момент уголовного преследования // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2005. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-nachalnyy-moment-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 19.05.2021).

11. Малахова Л.И., Коврига З.Ф. О понятии и структуре уголовно- процессуальной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/z-f-kovriga-o-ponyatii-i-strukture-ugolovno-prot-sessualnoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 19.05.2021).

12. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. №7-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54270/ (дата обращения: 25.05.2021).

13. Салихов И.Р. Уголовное преследование как одна из функций органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-presledovanie-kak-odna-iz-funktsiy-organov-prokuratury-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 15.05.2021).

14. Смирнова И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. №350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-ternisty-put-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 15.05.2021).

15. Спириин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88). С. 91 – 104.

16. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-prot-sessualnoe-zakonodatelstvo-rossii-o-deyatelnosti-prokurora> (дата обращения: 18.05.2021).

17. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/078/sbornik_12_2020.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

Об авторах

Виктор Николаевич Авдеев – канд. юр. наук, доц., Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Россия.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Людмила Анатольевна Александрова — канд. юр. наук, доц., Уральский государственный юридический университет, Россия.

E-mail: ml1970@yandex.ru

Инга Юрьевна Панькина — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

The authors

Dr Victor N. Avdeev, Associate Professor, Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Dr Lyudmila A. Alexandrova, Associate Professor, Ural State Law University, Russia.

E-mail: ml1970@yandex.ru

Dr Inga Yu. Pankina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru